

Сталинъ

I.

Г. Борисъ Суваринъ написалъ хорошую и нужную книгу *) — и написалъ ее очень своевременно. Прекрасно осведомленный не только въ иностранной, но и въ русской литературе о большевизме (о послѣднемъ свидѣтельствуеетъ обширная библиографія, приложенная къ книге), Б. Суваринъ впеомые попытался раскрыть передъ иностранцами «загадку» советскаго «сфикса». Для выполнения этой задачи у автора были все данныя. Старый русский эмигрантъ, онъ сперва игралъ заметную роль въ французской коммунистической партіи, а потомъ разочаровался и примкнулъ (временно) къ троцкистской оппозиціи. За это онъ былъ «вычищенъ» изъ партіи Москвой и вернулъ себе свободу сужденія о ней и ея вождѣ. Его произведение — жестокой обвинительный актъ противъ московскаго самодержца. Но содержание книги шире ея заглавія. Фигура Сталина вставлена въ широкую рамку большевистской «эволюціи», о чемъ и свидѣтельствуеетъ подзаголовокъ книги: «историческій взглядъ на большевизмъ». «Взглядъ» этотъ, правда, разросся на целыхъ 574 страницы; но эти размеры суваринской книги отнюдь не ослабляютъ интереса читателя и не лишаютъ рельефности изображенія главнаго героя. Книга написана талантливо и пересыпана яркими,

*) Boris Souvarine. *Staline. Aperçu historique du bolchevisme.* Paris. Librairie Plon, 1935.

подчасъ глубокими афоризмами, которые блестятъ, вводятъ самаго непосвященнаго читателя въ суть дела и легко удерживаются въ памяти. Во французской литературе о большевизме книга заполняетъ зияющій пробѣлъ. Но она будетъ прочитана съ пользой и русскимъ читателемъ — даже такимъ, которому основное содержаніе ея хорошо известно. Здесь дана мастерская сводка всего извѣстнаго матеріала, частью разбросаннаго по редкимъ брошюрамъ и книжкамъ мало доступныхъ періодическихъ изданій.

Я назвалъ книгу «обвинительнымъ актомъ». Но это — случай, когда прокуроръ обвиняетъ подсудимаго по всей справедливости. По формѣ, изложеніе ведется совершенно объективно. Если есть тутъ политическая страсть, то она запрятана глубоко. И, все-же, къ точкѣ зренія автора на Сталина нельзя цѣликомъ присоединиться. Слабая сторона обвиненія состоитъ въ томъ, что обвиняемому отводится то самое первое место въ судоговореніи, которое онъ самъ хотелъ-бы занять въ собственномъ процессе съ «старыми большевиками». Недаромъ г. Суваринъ примыкалъ къ «троцкизму». Значительная часть матеріала книги — особенно ея откровенія — взяты прямо изъ сочиненій Троцкаго. Во всякомъ случае, фактическая сторона изложенія вполне выдерживаетъ проверку, тѣмъ болѣе, что г. Суваринъ, заимствуя факты, далеко не всегда подчиняется выводамъ Троцкаго. Онъ постоянно указываетъ на его теоретическія и тактическія ошибки.

И все-таки главный сюжет книги и ее «исторический» кадр не приведены в настоящее соответствие. Общая историческая перспектива невольно сдвинута в сторону главной фигурой, которой историк не может дать такого центрального места в изучаемом процессе. Характеристика Сталина у Суварина в общем верна и интересна; но в ней несколько затухались черты, сводящие его личную роль к гораздо более скромным размерам, чем говорить о том его топорная идеология и претендует на то его гипертрофированное самолюбие. В противоположность ученому идеологу и «гениальному» тактику Ленину, в противоположность и несправимому доктрину Троцкому, Сталин — примитивный «бытовик» обывательского типа, «органически» неспособный уследить за тонкостями доктрины. Стараясь украсить себя павлиньими перьями наспех сколоченной идеологии, он склеивает ее из так же «органически» — по обывательски — воспринятых практических результатов приложения доктрины. Созданный таким путем «сталинизм» представляет, в сущности, признание провала «ленинизма». Этот психологический комплекс, на почве несомненной трусости Сталина, создает зигзаги его тактики, в которых нельзя разобраться, выдвигая его на роль главного подсудима. Вот та сторона картины, которая остается невполне освещенной в «историческом» изложении Суварина. Спешу прибавить, что для полного освещения в его работе собраны все необходимые данные.

И.

Кто такой Сталин до революции 25 октября? Б. Суварин с убедительностью отвечает: никто. Краткие биографические заметки о нем в большевистской литературе долго ограничиваются перечнем его ссылок и побегов. Историки партии о нем молчат. Мемуаристы, его ближайшие сверстники и сотоварищи, боясь говорить правду. Сам Сталин, как подозревает Суварин вслед за Троцким, принял меры, чтобы истребить документальные следы своего бывшего ничтожества. Напротив, он попытался сфальсифицировать факт своего раннего посвящения в коммунистические рыцари самим Лениным. Он утверждает, что уже в 1903 г. получил в Сибири поощрительную записку от Ленина, укравшую его энтузиазм, но, по привычке конспиратора, ее уничтожил. Суварин убедительно доказывает, что Сталин просто солгал на покойника. В первый раз он увидел Ленина, по его собственному признанию, на Таммерфорской конференции большевиков в декабре 1905 г. — и был поражен, что великий «гигант» оказался человеком среднего роста, явился на собрание без всякой помпы и запросто беседовал с рядовыми делегатами. С своей стороны, «гигант», конечно, не заметил павшего провинциала. Еще в 1915 г. он спрашивает, как, в сущности, зовут этого «Кобу», успевшего тогда уже проскользнуть в центральный комитет партии.

Как могло произойти это необычайное продвижение? Очень просто. Эмигрантам — интеллигент-

тамъ, неутомимымъ спорщикамъ о доктрине въ Женеве и Лозаннѣ нужны были «профессиональные» революционеры, люди действия, изъ простыхъ чернорабочихъ революціи; а такимъ какъ разъ оказался «чудесный» грузинъ*, принявший на себя устройство экспроприации «по-кавказски». Дальній Оі въ тѣсномъ кругу близкихъ и равныхъ единомышленниковъ, выковылавшихъ въ безконечной и subtilной полемикѣ идеологию двухъ фракцій русской социальдемократіи, Коба весьма понадобился для пополнения тайной кассы Ленина въ такъ назыв. тогда «большевистскомъ» центрѣ. И тутъ, впрочемъ, будущій диктаторъ не игралъ главной роли. Надъ нимъ стоялъ главный руководитель всѣхъ покушеній и техникъ изъ химической части, знаменитый «Никитичъ*», alias Леонидъ Борисовичъ Красинъ*. Подъ собой Коба нашель главнаго исполнителя «экса» еще менее культурнаго, но более самоотверженнаго кавказскаго дикаря — энгузиаста «Камю», которому и передоверилъ весь рискъ дела, самъ оставшись въ тѣни и въ безопасности. Если угодно, тутъ былъ* известный параллелизмъ съ Ленинымъ*. На верхахъ Ленинъ не безъ интригъ боролся за первенство и за руководство будущей революціей; а въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Тифтиса за такое-же первенство въ маленькомъ провинціальномъ центрѣ и тоже при помощи интригъ боролся будущій Сталинъ. За границей Ленинъ, а въ* Тифлисѣ Сталинъ создали себе самозванные центры и отъ ихъ имени смѣло продвигались наверхъ*. Въ 1901 г. Сталинъ за интригу противъ мѣстнаго руководителя Жи-

бладзе былъ привлеченъ* къ партійному суду, признанъ* виновнымъ в* клевете и единогласно исключенъ из* тифлисской организации. Ленинъ поступилъ искуснее; онъ самъ исключилъ своихъ противниковъ изъ кое-какъ сключеннаго большинства, въ которомъ «профессиональные» техники уличной революціи, вроде Сталина, играли не последнюю роль. На Лондонскомъ съѣздѣ 1907 г. было уже 16 рабочихъ на 196 интеллигентскихъ делегатовъ*; Сталинъ былъ однимъ* из* 16 статистовъ съезда.

Особенности личности Сталина, однако, уже успели рано проявиться и помимо истории съ Жиблидзе. Уже его изгнание изъ семинаріи (вопреки показанію матери, что она его взяла изъ школы по слабому здоровью) сопровождалось изгнаніемъ и всѣхъ его товарищей по тайному социалистическому кружку, причемъ* обнаружилось, что причиной исключенія былъ* доносъ Сталина ректору. На упреки товарищей онъ, по их* рассказамъ, цинически оправдывался: онъ-де хотель, лишивъ ихъ надежды на священническую карьеру, сделать ихъ хорошими революционерами. Къ 1908 г. относится еще одна темная история: товарищъ по тюремному сиденью Верешакъ* рассказалъ, что Сталинъ* предпочиталъ сообщество уголовныхъ компании политическихъ заключенныхъ и что он* дважды подговорилъ арестанговъ къ убійству товарищей, напрасно оговоривъ ихъ въ провокаціи и шпионствѣ. Тотъ* же Верешакъ* свидетельствуетъ*, что общеніе съ Кобой затруднялось грубостью его полемики, что рѣчи еі о были немудры и свидетельствовали лишь о

его механической памяти; с другой стороны, его «исключительная безпринципность и практическая хитрость дѣлали изъ него вліятельнаго тактика», но въ тюремныхъ стачкахъ онъ «не былъ подстрекателемъ, а всегда активно поддерживалъ подстрекателей», самъ выходя сухъ изъ воды. Это свойство «делало Кобу ловкимъ комбинаторомъ, не останавливавшимся ни передъ какими средствами и избѣгавшимъ всякой отчетности». Все эти черты доживуть до признанія Сталина «великимъ» и «гешальнымъ» вождемъ.

III.

Но мы еще далеки до этого времени. Только въ 1912 г. решение маленькаго заграничнаго кружка дѣлаетъ Кобу членомъ центрального комитета партіи. Это — Ленинъ подбираетъ слѣпыхъ исполнителей своей воли. Вместе съ Серго Орджоникидзе Сталинъ былъ назначенъ отъ новаго ЦК членомъ «исполнительнаго бюро» въ Россіи. Онъ игралъ какую-то роль — не писательскую, а скорѣе административную — при созданіи «Правды», но скоро попалъ снова въ Нарымскій край. Оттуда идутъ слухи о его антисемитизме, о его сближеніи съ уголовными и даже съ местной полиціей. Но въ 1913 г. онъ опять возле Ленина, въ Краковѣ и въ Вѣнѣ, въ самый моментъ, когда вдругъ расцвѣтаютъ изданія Ленина, орошенные какимъ-то таинственнымъ притокомъ денежныхъ средствъ. Ленинъ, нуждаясь въ сотрудникахъ и признавая въ «чудесномъ грузинѣ» знатока національнаго вопроса (въ этомъ заблужденіи онъ остается очень долго), поручаетъ Сталину написать статью объ от-

ношеніи социаль - демократіи къ національному вопросу. Онъ даетъ ему все нужные матеріалы («австрійскіе и другіе», — вероятно и полученные имъ изъ австрійскаго источника). Этотъ первый ученическій трудъ Сталина проходить незамѣченнымъ. Но скоро Ленинъ находитъ для грузина другую роль, более отвечающую его «практическому» революціонизму: роль своего посредника въ сношеніяхъ съ большевистской фракціей въ четвертой Государственной Думѣ. Лишенные идейнаго руководства и малограмотные, эти депутаты послушно читали съ думской кафедры речи, составленныя Ленинымъ въ Краковѣ. Но скоро обнаружился рискъ этой сталинской роли; уже въ начале 1913 г. онъ былъ выслеженъ полиціей, арестованъ и сосланъ — на этотъ разъ более прочно — въ Туруханскъ. Его более талантливымъ преемникомъ въ Думѣ оказался, тоже по назначенію Ленина, известный провокаторъ Малиновскій. Это назначеніе бросаетъ свѣтъ и на назначеніе Сталина: положительно, у большевиковъ не хватало тогда квалифицированныхъ сотрудниковъ.

Что делалъ Сталинъ въ теченіе слѣдующихъ четырехъ летъ изгнанія, — и міроваго конфликта — вплоть до февральской революціи, когда онъ получилъ возможность вернуться? Троцкій задавалъ ему этотъ щекотливый вопросъ. Невозможно, чтобы Сталинъ за цѣлыхъ четыре года не написалъ ни строчки о такихъ принципиальныхъ вопросахъ, какъ — война, интернациональ, революція. Для Троцкаго это было бы невозможно, вероятно, въ теченіе четырехъ дней. И его выводъ —

толь, что Сталинъ все это уничтожилъ. Повидимому, дѣло было гораздо проще. Сталинъ... уединялся въ ссылке, ни къ кому не ходилъ; единственный его сожитель, Свердловъ перевелся отъ него въ другой городъ, находя, что «слишкомъ близкое знакомство показываетъ человека во всей его мизерности». Сталинъ рубилъ лес*, удилъ, охотился. Объ интеллектуальной деятельности не упоминается ни однимъ словомъ... Нужно ли было Сталину уничтожать свои рукописи, т. е. то, чего, вероятно, и не было?

IV.

Мировая война, перспективы революции, ея февральское начало... Даже для Ленина событія развертывались слишкомъ быстро. Онъ еще несовсѣмъ отделился отъ своего прогноза: сперва «демократическая республика», потомъ—только путь къ социализму. И онъ былъ остороженъ въ предсказаніи дальнейшихъ перспективъ. «Революціонный пожаръ распространился (у насъ) исключительно благодаря невежеству и страшнымъ страданіямъ Россіи, вследствие созданныхъ войной условий». «Въ подобной странѣ легко было начать революцію. Продолжать ея будетъ труднѣе». Только что вернувшійся изъ Сибири Сталинъ строилъ по этому Ленину. Самъ себя продвинувъ изъ центральнаго комитета въ исполнительный, онъ захватилъ въ свои руки заведованіе «Правдой» — и принялся защищать там*... оборонческую точку зрѣнія. Каменевъ, только что посланный изъ Сибири ответственную телеграмму в. к. Михаилу Александровичу, служилъ ему пером* Однако, первый же

номеръ «Правды», составленный въ этомъ духе, вызвалъ взрывъ* негодованія среди петербургскихъ рабочих*. Выборгскій район*, особенно радикальный, потребовалъ исключенія приезжих* ссыльныхъ изъ партіи. Все новички были выброшены изъ редакцій. Но Сталинъ успѣшилъ предать Каменева, автора главной инкриминированной статьи, и передвинулся слегка влево, на положеніе «центриста», «На дѣлѣ, до пріѣзда Ленина, онъ былъ, въ противоположность большевизму, характернымъ соглашателем*», заключаетъ Суваринъ. Была-ли это только тактика, или проявленіе постоянной свойства обывательской психологии «бытовика»? Дальнейшее это покажет*.

Для начала Каменев* и Сталинъ, въ томъ же мартѣ 1917 г., телеграфировали Ленину въ Швейцарію, что его директивы слишкомъ радикальны и черезчур* непримиримы; это отражается на слабомъ распространеніи «Правды»; необходимы умѣренность и благоразуміе. Ленинъ отвѣчаетъ угрозами, призываетъ соглашателей къ порядку. Наконецъ, пріѣхавъ въ Петербург*, онъ самолично изумляетъ партійцев* своими знаменитыми апрельскими тезисами. Тщетно Каменевъ пытается напомнить старый тезис* о постепенномъ превращеніи «буржуазной революции» въ социалистическую. Сталинъ быстро приспособляется и начинаетъ говорить и писать по новому Ленину. Онъ удерживает* при немъ положеніе докладчика по вопросу о национальностяхъ... «вплоть до отшеленія». И уже спешит* покаяться и свалить вину своего промаха на других*. «Я разделяю* ошибочную позицію

вместе с большинством партии; в конце апреля я от него отделился и присоединился к тезисам Ленина.

С этого момента Сталин сознательно стушевывается. Он, очевидно, понимает, что среди старых идеологов партии, спешно приспособляющих прежнюю идеологию к новым фактам «оригинальной» русской революции, ему не место. Он плетется в хвосте идей и событий, но не без внутреннего сопротивления. В одну из резолюций шестого партийного съезда он пытается вставить фразу: «не исключена возможность, что Россия как раз окажется страной, пролагающей путь к социализму». Это — в противовес тексту Преображенского: «в союзе с революционным пролетариатом передовых стран (идти) к миру и, после пролетарской революции на Западе, к социализму». Поправка в свое время не замеченная, но уже знаменовавшая тот своеобразный прием, которым Сталин собирался примирить свой «бытовизм» с космополитическими формулами Маркса-Ленина.

С этим настроением Сталин, конечно, должен был стоять на стороне тех, кто, подобно Каменеву и Зиновьеву, считали октябрьский переворот преждевременным. Но он притаился и молчал, не желая, очевидно, попасть под громы и молнии Ленина. Уже перед самым переворотом он сделал робкую попытку примирить спорщиков формулой: «несмотря на резкий тонь Ленина, в сущности, мы все согласны». Но этот новый эпизод сталинского соглашательства был принят настолько кисло, что Ста-

лин сразу струсил и даже предложил свою отставку, правда, непринятую. Конечно, свое мнение у него было: сторонник поддержки временного правительства и сохранения единства социаль-демократии не мог же угнаться за «перманентной» атакой Тройки и Ленина на то же правительство и на социаль-демократию. Но... Сталин молчал и прятался. Вряд ли даже справедливо сказать, что он выжидал своего времени; он не мог еще знать, придет ли оно когда-нибудь. Его имя трудно найти в обширной литературе об октябрьском перевороте, констатирует Суваринь.

В первоначальном строительстве коммунистической власти роль Сталина также была чрезвычайно ничтожной. По старой памяти — и совершенно машинально — он занял роль, давно отведенную ему Лениным, комиссарство полудекоративного ведомства по делам национальностей: он же ведь был грузином. Ни на что другое он, очевидно, не годился. Он, конечно, не годился и на это. Но тут послушное следование Ленину совпало с его тайными инстинктами. Ленин допускал федерацию народов России только как переходную ступень к «демократическому централизму», а «право отделения» для него было лишь фиктивным правом. «Интересы социализма выше права самоопределения народов», говорил он еще в 1913 г. «Чудесный грузин» тоже был и остался несомненным централистом. Впрочем, в своем комиссариате он держался своей привычной тактики. Когда возбуждался какой-нибудь трудный вопрос, он, по воспоминаниям

своего сотрудника Песиковскаго, вставалъ и говорилъ: «я на минуту выйду» — и не возвращался. Онъ предпочиталъ быть около Ленина, въ Смольномъ, потомъ въ Кремле, приучая его къ своей роли немого исполнителя приказаний. Какъ таковой, онъ пассивно раздѣлялъ его взгляды, присоединяясь лично и внутренне къ темъ изъ нихъ, которые свидетельствовали, что верность доктрине не заглушила въ Ленине чутка действительности. Такъ, въ вопросе о заключеніи скорейшаго мира съ немцами онъ отъ души присоединился къ Ленину: «онъ интересовался миромъ въ одной стране (Россіи), какъ потомъ интересовался социализмомъ въ одной странѣ», метко замечаетъ Суваринъ. Аргументъ отъ запоздания мировой революціи въ пользу временной «передышки», очевидно, трогалъ его очень мало. Дело было для него просто и ясно: «немцы нападаютъ, у насъ нѣтъ Силы; надо договориться»

Ничтожна роль Сталина и въ гражданской войнѣ. «Въ течение десяти лѣтъ», замечаетъ Суваринъ, «ни одинъ авторъ - коммунистъ не приписываетъ ему никакой роли, стоящей быть отмеченной». И тутъ, какъ въ молодые годы, единственная роль, имъ сыгранная, — это роль интригана противъ распорядка Троцкаго. Тутъ завязалась и первая борьба между ними, которую Ленинъ искусно спарачивалъ на нетъ. Онъ награждалъ Сталина орденами, но отдавая все-же первенство Троцкому. Сталинъ, однако, видимо, былъ уже особенно нуженъ Ленину — все въ той же роли послушнаго исполнителя. Появъ его особеннѣе, Ленинъ сталъ пору-

чать ему полицейскія задачи—ревизіи и чистки, въ сотрудничествѣ съ Дзержинскимъ. И именно тутъ Сталинъ постепенно нащупалъ свое настоящее место, отлично подходившее къ его наклонностямъ. Трудно утверждать, что сразу у него сложился тотъ макиавеллическій планъ захвата власти, который былъ осуществленъ самымъ ходомъ событій въ рядѣ годовъ. Но несомненно, что где-то на протяжении этого процесса, планъ этотъ сталъ сознательнымъ и целевымъ. Какъ истинный эмпирикъ, Сталинъ сталъ систематически работать надъ осуществленіемъ плана, когда для него появились подходящій матеріалъ. Такимъ матеріаломъ были чудовищный ростъ бюрократизаціи партіи — рослъ стихійный и неизбежный въ такой странѣ, какъ Россія.

V.

Теперь уже хорошо известно, какъ, играя на этой струнѣ, Сталинъ добрался до своего положенія россійскаго самодержца. Въ русской литературѣ процессу этого восхожденія посвящена документальная монографія А. М. Александрова («Кто управляетъ Россіей?») Суваринъ, опираясь на интимныя данныя изъ внутренней исторіи партійныхъ вождей, удачно драматизируетъ весь ходъ процесса и дѣлаетъ его доступнымъ и понятнымъ иностранному читателю. Чемъ дальше, тѣмъ больше процессъ бюрократизаціи советской Россіи напоминаетъ ему Россію императорскую. Особенно пикантны постоянныя параллели съ царствованіемъ имп. Николая I, проводимыя посредствомъ ряда цитатъ изъ нашумевшей въ свое время книги маркиза Кюстина

«La Russie en 1839». Сходство, действительно, получается, поразительное. Там и здесь мы присутствуем при постепенном параличе всех живых сил страны и при соответственном омертвении тканей государственного организма. Мягкая и глубокая формула Кюстина неотразимо бьет по самым существенным чертам картины, сложившейся в результате политики Сталина. Естественно, что в этой части книги Суварина личная история Сталина окончательно выходит из узких биографических рамок и наконец сливается с последними фазами истории нашей родины. Это и наиболее известная часть сталинской биографии, что избавляет нас от необходимости следить за нею подробно. Повторяю, что основной стержень этой биографии совпадает отчасти с процессом бюрократизации России.

Уже на восьмом съезде партии «быстрое вырождение партии и свертывание в паразитарную бюрократическую систему» — в «иерархию чиновников по старинному образцу» служит предметом критики Осинского и Сапронова, — отмечает Суварин. Смерть Свердлова, не выдержавшего, как мы видели, сожительства со Сталиным в Сибири, очищает Сталину место в этой иерархии. Все еще неведомый стране и даже партии, Сталин «терпеливо завязывает личные связи в чиновной верхушке». Он оказывается подходящим кандидатом на пост секретаря партии. До него этот пост не связан был ни с каким усилением личной власти. К власти, как таковой, не имела ведь особого вкуса и сам Ле-

нинь. И выбор Сталина секретарем в 1922 г. не вызвал ничего особого внимания. На «верхушке», правда, уже шла борьба разных течений, и Сталин уже конспирировал с Каменевым и Зиновьевым против влияния Троцкого при Ленине. Но до партии эта борьба еще не доходила, и личные особенности Сталина были мало кому известны. Ленин говаривал про Сталина: «этот повар умеет готовить только острые кушанья». Но того кушанья, которое принялся теперь готовить новый секретарь, он, конечно, не предвидеть.

VI.

«Узел положения — в подборе людей», говорил Ленин, не придавая, конечно, этому афоризму того зловещего значения, которой придавал ему своей тактикой Сталин. Но в начале мая 1922 г. Ленин перенес первый приступ своей болезни Вернувшись, после летних месяцев отдыха, к делам, он замечтал, что руководство «подбором людей» ускользает из его рук — и скоро открыл источник этой перемены. 25 декабря того же года он пишет доверительно: «товарищ Сталин, ставши генеральным секретарем, сосредоточить в своих руках огромную власть, и я не уверен, что он сумеет всегда пользоваться ею с достаточным благоразумием». Задумываясь относительно своего возможного преемника, он однако колеблется. «Товарищ Троцкий, с другой стороны, самый способный человек в теперешнем составе Ц. К., но он чрезвычайно самоуверен... Эти два качества наиболее выдающихся во-

ждей Ц. К. могут привести къ расколу, если партія не примеѣтъ мѣръ для его предупрежденія». Здесь уже точно указана и грядущая опасность и ея источникъ. Но предупредить событія, которыя предугадалъ, Ленинъ уже не могъ. Простое увеличеніе численнаго состава высшихъ учреждений, конечно, было для этого недостаточной мѣрой: оно только лило воду въ тотъ прудъ, гдѣ плавала щука. Ни Ленинъ, ни Троцкій не поняли, что опасность шла не сверху, а снизу. Если раньше Ленинъ могъ разсчитывать сохранить равновѣсіе самолюбій зъ «верхушкѣ», наградивъ Сталина тѣмъ же орденомъ Краснаго Знамени, который былъ данъ Троцкому за военныя заслуги, то теперь что можно было изобрести, чтобы уравновесить такой на видъ мелкій фактъ, какъ переименованіе Царицына въ Сталинградъ, произведенное во время отсутствія Ленина? Скоро затемъ появится и Зиновьевскъ вместо Елизаветграда. Ленина еще никто не смѣлъ чествовать такимъ способомъ. Низменный уровень новыхъ претендентовъ на наследство Ленина здесь проявился достаточно ярко; но вместе наметился и источникъ ихъ силы: высшее провинціальное чиновничество, по произволу смещаемое, передвигаемое и вновь назначаемое генеральнымъ секретаремъ. Троцкіи продолжали вести борьбу путемъ красноречивыхъ обращеній къ партійнымъ сановникамъ въ высшихъ учрежденіяхъ. Сталинъ молчалъ и уклонялся отъ неравнаго боя; но его батареи были разставлены въ главныхъ стратегическихъ пунктахъ; онъ окопался въ партійной массе.

Впрочемъ, пока живъ былъ Ленинъ, эта борьба велась скрытыми способами. Троцкіи сохранилъ рядъ следовъ ея, въ виде записокъ Ленина по его адресу съ одра болезни. Изъ записокъ видно, что и Ленинъ, не доверявшіи больше Сталину, хотель открыто бороться съ нимъ, предупреждая ближайшіи кругъ единомышленниковъ, готовя противъ него «бомбѣ» въ виде полемическихъ выступленій и, наконецъ, въ видѣ послѣдняго ресурса, «разрывая съ нимъ всякія отношенія» (послѣднее письмо). Чемъ отвечалъ на это Сталинъ? Онъ уже отваживался запрещать печатать полемическіи статьи Ленина. Любопытно однако отметить, изъ-за чего эта послѣдняя борьба. Ленинъ защищалъ грузинскихъ сепаратистовъ противъ сталинскихъ «бюрократическихъ» насилій. «Держиморда» Сталинъ въ роли «соціалшовиниста» — «русифицированнаго туземца, которые хуже русскихъ, когда усваиваютъ шовинистскія настроенія!» Таковъ ближайшіи поводъ, который побудилъ Ленина просить своихъ близкихъ «подумать о средствахъ сместить Сталина съ поста генеральнаго секретаря, заменивъ его человекомъ, который былъ-бы терпеливѣе, вежливее, воспитаннѣе и внимательнее къ товарищамъ», чѣмъ Сталинъ въ своихъ сношеніяхъ съ Мдивани, Махарадзе и др. Составимъ это съ конфиденціальною перепиской сентября 1922 г., въ которой Сталинъ борется противъ «національнаго либерализма» Ленина и обвиняетъ его въ переоценке значенія второстепенныхъ національностей, предлагая при пересмотре конституціи лишить федерированныя республики

ихъ формальной независимости въ пользу единой России. Помимо грубаго удовольствия—показать Свою силу старымъ мѣстнымъ соперникамъ, тутъ опять сказался уже отмеченный контрастъ между бытовикомъ и идеологомъ*. Бытовикъ стоитъ, очевидно, за сохранение «единой» России.

VII.

Не хватило бы места рассказывать здесь, вслѣдъ за авторомъ, о всехъ перипетияхъ долгой борьбы, освободившей Сталина отъ конкурентовъ на власть и создавшей ему то исключительное положение, которое онъ теперь занимаетъ. Въ этой борьбе — по крайней мере, вначалѣ — руководилъ Сталинымъ скорее инстинктъ*, чѣмъ сознательный макиавелизмъ. Онъ «сшибалъ головки» опаснымъ людямъ отнюдь не по методу тирана Дионисия. По своему обычаю, онъ лавировалъ, дѣйствовалъ изъ засады, ждалъ* подходящаго момента, чтобы нанести ударъ наверняка, — и тогда отступалъ*, если нанесенный ударъ не попадалъ въ точку. Его лучшими союзниками при такой тактике выжидающаго оказывались сами его противники, имѣвшіе неосторожность бить въ лобъ и выступать съ открытымъ забраломъ. При этомъ еще они действовали, не сговорившись между собою, меняя общий фронтъ и давая разбигъ себя по одиночке. Наконецъ, после победы Сталинъ обыкновенно заимствовалъ сильныя стороны возражений противниковъ и превращалъ ихъ въ пункты собственной программы. При его полной безпринципности ему ничего не стоило, только-что сказавши одно, говорить съ одинаковымъ

убеждениемъ прямо противоположное. Этимъ* онъ окончательно изолировалъ противника, отнимая у него сочувствіе его же последователей. Но главнымъ средствомъ въ борьбѣ неизменно оставалось то, что онъ побивалъ противника не разсужденіемъ, а голосами, заранее подобранными въ рядахъ подчиненныхъ, лично зависящихъ отъ генеральнаго секретаря.

Суваринъ подробно прослѣживаетъ, какъ оппозиція противъ Сталина, въ результате непониманія этихъ условий борьбы и вслѣдствіе чрезмерной самоуверенности, постепенно теряетъ свои, вначалѣ очень сильныя позиции и ведетъ свою неумелую игру прямо въ руку Сталина. Особенно достается при этомъ отъ автора Троцкому, который «вдохновилъ оппозицію, но не умѣлъ ни удержать ее, ни руководить ею». Въ рѣшительныя минуты онъ* притомъ-же часто болѣлъ и отсутствовалъ, давая темъ легкую победу противнику. А во время последней болезни Ленина Троцкій, по его объясненію, не хотѣлъ выносить сора изъ избы. Поэтому первые этапы борьбы, самые решительные, прошли въ теснейшемъ кругу, при полномъ невѣдѣнии партийной массы.

Сталинъ этимъ воспользовался, чтобы скрепить свой союзъ съ другими скрытыми противниками ленинской идеологии, Каменевымъ и Зиновьевымъ. Къ концу 1923 г., когда Троцкій приподнял покровъ тайны, баттарей уже были разставлены, «иерархія секретарей, аппаратъ секретарей, психология секретарей» уже определилась въ общихъ чертахъ. И такъ какъ атака оппозиционеровъ была сразу

направлена на этот отвердѣвшій аппаратъ, Сталинъ далъ своей арміи сигналъ къ стрельбе по всему фронту. Съ декабря 1923 г. по знаку изъ Москвы начинается притокъ буквально тождественныхъ по тексту резолюцій изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій: «іерархія секретарей выполняетъ службу» своему начальству. А Троцкш все еще продолжаетъ «расточать краснорѣчье передъ аудиторіей изъ шести человекъ», заранѣе сговорившихся на тактикѣ пассивнаго отпора. Сильный этой поддержкой, Сталинъ начинаетъ уже глухо грозить соперникамъ исключеніемъ изъ партіи за нарушеніе дисциплины.

Послѣ смерти Ленина «тройка» совершенно перестаетъ стѣсняться. Для начала она распоряжается по своему съ памятью покойника и съ его группой. На 13-мъ партшномъ конгрессе, специально подобранномъ, Троцкш уже допускается только съ совещательнымъ голосомъ и, естественно, терпитъ поражение. Изобретя пугало «троцкизма» и обезвредивъ Троцкаго въ 1924 г., Сталинъ въ 1925 г. принимается за своихъ временныхъ союзниковъ по «тройкѣ», Каменева и Зиновьева. Характернымъ образомъ онъ постоянно выбираетъ въ борьбѣ правыя позиціи противъ левыхъ. Онъ высмѣиваетъ идею государственнаго «плана», выдвинутую Троцкимъ, и обращается «лицомъ къ деревнѣ» противъ Каменева и Зиновьева. Онъ говоритъ либеральныя речи о «демократіи» въ партіи. Противъ идеи «перманентной революціи» — въ ожиданіи наступленія неопредѣленнаго срока революціи міровой онъ выдвигаетъ — уже въ 1924 году — свой, ограниченный сро-

комъ, идеаль введенъ социализма «своими силами», въ «одной странѣ», хотя бы и отсталой. И онъ безцеремонно приписываетъ эту идею Ленину, который говорилъ прямо противоположное, — какъ впрочемъ и самъ Сталинъ. На четырнадцатомъ конгрессе партіи Сталинъ можетъ уже смело цитировать неблагопрійный отзывъ о себе въ знаменитомъ «Завещаніи» Ленина, — документъ, которымъ хотѣлъ козырнуть, но опоздалъ воспользоваться, Троцкш. Безъ труда онъ отбиваетъ личное нападеніе Каменева, — тоже опоздавшю потребовать отъ партіи смѣщенія Сталина съ поста секретаря. На этомъ посту онъ отнынѣ будетъ сидеть прочно и безсменно, посылая своихъ противниковъ одного за другимъ въ тюрьмы и въ изгнаніе за ихъ идеологическія ереси и присваивая себе окончательно роль единственнаго автентическаго толкователя «ленинизма». Такъ, «въ пять летъ Сталинъ осуществилъ свой молекулярный coup d'Etat. Ему, самому ловкому, если не самому достойному изъ претендентовъ, будетъ принадлежать наслѣдіе Ленина».

VIII.

Что-же теперь будетъ делать наслѣдникъ? Ответу на это посвящены две послѣднія главы книги Суварина. Его осведомленность доходитъ буквально до самыхъ послѣднихъ дней. Онъ даже цитируетъ газетныя статьи Солоневича. Но вместе съ темъ возростають и трудности правильной оценки результатовъ этого решающаго политическаго экзамена Сталина. Ярче и легче всего проводится здѣсь линія окончательной ликвидаціи всехъ возмож-

ныхъ противниковъ диктатора, **долнаго** подчинения партійнаго и **государственнаго** аппарата его власти, наконецъ, канонизация «великаго», «**гениальнаго**» вождя и его доктрины. **Здѣсь именно упомянуть** выше сопоставления современнаго положеніа Россіи съ характеристиками царствования Николая I-го въ книгѣ Кюстина представляются особенно меткими и красноречивыми. «Въ Россіи разговаривать — значитъ устраивать заго воръ, мыслить — значитъ бунтовать; мысль не только преступленіе, но несчастье». Сто летъ спустя эта цитата характеризуетъ ереси, караемая тюрьмой и ссылкой. «Только у народовъ слепо повинующихся господинъ можетъ заставить применить величайшія **усилія** для достиженія ничтожныхъ результатовъ». «Слово господина **здѣсь** оживляетъ камни, но убиваетъ **людей**». Это — о египетскихъ пирамидахъ пятилетки. А вотъ о результатахъ пятилетки — еще одна цитата изъ Кюстина: «**Россія** — царство каталоговъ. Вы читаете сборникъ этикетокъ: превосходно. Но берегитесь **идти** дальше заголовковъ*: в* книгѣ вы не найдете ничего изъ **объявленнаго**. Все главы на месте, но все еще должны быть написаны». Такъ Сталинъ возобновляетъ старую традицію, традицію Николая, Аракчеева и Ивана Грознаго.

Это жестоко и верно; но это не все. Кроме **общихъ чертъ** есть **къ** и **индивидуальныя**: черты века и черты личности. Что касается первыхъ*, Суваринъ в* своей энергійи нападенія преуменьшаетъ **неизбѣжныя** въ двадцатомъ вѣкѣ даже и при этомъ режиме достиженія. Что касается вторыхъ, остается невыясненнымъ*, что именно вло-

жилъ въ **ходъ событій** сам* Сталинъ и что внушено ему воздействием* среды — хотя бы и той обезличенной и уравненной среды, о которой говорит* сравненіе съ Николаемъ* I-мъ. Бюрократія, созданная Сталинъ* и безмерно более численная, **чѣмъ** бюрократія стараго режима, налагаетъ на **дѣйствія** «вождя» свой закон* — тотъ-же самый, какъ и тотъ, что руководить Сталинъ*: желаніе удержаться у власти, **сохранить** оклады и должности. Всякая перемена программы угрожаетъ тому и другому. Маркса и Ленина можно забыть, но надо держаться **тѣхъ** привычныхъ для массы знаменъ и лозунговъ, которые привели этихъ **новоиспеченныхъ** чиновниковъ къ власти. Въ этомъ противоречіи между формальной властью наверху и реальной — внизу — **объясненіе** всехъ **колебаній** Сталина. «**Безпринципный интриганъ**», говоритъ о немъ въ интимной бесѣдѣ съ Каменевымъ ближайшій сотрудникъ Бухарин*. «Онъ все подчиняет* своему аппетиту къ власти. Въ любой моментъ онъ **мѣняетъ** теорію, чтобы освободиться отъ того или другаго лица». Это верно, но и следуетъ прибавить: Сталинъ ее **мѣняетъ** не только чтобы освободиться отъ однихъ*, но и чтобы привлечь **расположеніе другихъ**, более **опасныхъ**. Такъ онъ принимает* **всю программу Троцкаго** — въ полномъ противоречіи со своими действительными стремленіями, только-что обличив* и покарав* его за его ереси. И **рѣчь** идет* тутъ не о мелочахъ, а о самыхъ **существенныхъ** сторонахъ политики, какую онъ принимается проводить в* годы своего **самовластия**.

IX.

Главными достижениями восьмилетнего самодержавия Сталина (если считать этот период с 1927 года) считаются и большевиками и — отчасти — их противниками гигантский рост индустрии и коллективизация земледелия. У Суварина можно найти сколько угодно цитат из Ленина и из самого Сталина в доказательство, что Сталин проводил то и другое в полном противоречии с собственным и с ленинским взглядами. И Ленин, и Сталин одинаково возражали против немедленной сверх-индустриализации и коллективизации; оба одинаково исходили из понимания русской отсталости и невозможности крутого исторического скачка. Но у Ленина это была неизбежная временная тактика, тогда как у Сталина это совпадало с его «органическим» ощущением окружающей «быта». По просту говоря, он не верил в осуществимость ни того, ни другого, — как не верил и в своевременность захвата власти большевиками. Для Ленина, тоже не врывавшего в октябрьскую победу социализма, захват власти был оправдан, как рекорд, а не как окончательная победа. Но когда прошли годы и торжество большевиков начало казаться окончательным, а могущество бюрократии возросло в огромной степени, то как было отказаться от приступа к осуществлению «принципиальных» задач большевизма, уже поставленных на очередь первыми годами — эпохой ленинского «военного коммунизма»? Тогда, на заре большевистского обладания Россией, принципиальная постановка не могла

удаться — и тяжкая неудача вынудила к отступлению — «нэпу». Трагедия положения заключалась в том, что теперь, со всей силой могущественного государственного аппарата, руководимого единой волей, заведомо неосуществимый опыт был повторен во имя принципа безпринципным бытовиком*, более других убежденным в его неосуществимости. Кто кого тут более слушался — аппарат* вождя или вождь аппарата, можно решать различно. Но результат* один: безнадежное коверканье быта. Последствие этого — неизбежная, систематическая ложь, пытающаяся по обязанности скрыть правду о своем безсильи бороться с бытом*. А своеобразная роль бытовика Сталина при этом — постоянная оговорка о «головокружениях от успеха» и боязливые попытки внести частичные поправки в принципиальную ломку, в конечный успех которой теперь уже никто не верит*, так как забьт и самый принцип, во имя которого все это делается. «Социализмом тут и не пахнет», справедливо замечает Суварин. Для него, конечно, в этом* — суть преступления Сталина. С другой точки зрения это может считаться его невольной заслугой.

Возьмем из книги Суварина несколько иллюстраций к сказанному. «Было бы безумием* говорить, об* уничтожении нэпа», говорит* Сталин в* самый раз* своей «левой» политики, в апреле 1928 г. В* июне того же года он заявляет*: «раскулачение в* наших условиях было бы глупостью». В* следующем месяце он признает*, в* тексте резолюции ЦК, что «хозяйства част-

никвь» будутъ еще долго основной **хлѣбнаго** производства». Его подручные повторяютъ **тѣ же рѣчи, слѣдуя старымъ** цитатамъ **изъ** Ленина. А вотъ уже передъ самымъ **введеніемъ** пятилѣтки, въ концѣ октября 1929 г., **сужденіе** Сталина объ **индустриализаціи**: «индустриализація страны не **можетъ** быть осуществлена иначе, какъ опираясь на постепенное улучшение **матеріальнаго положенія** крестьянскаго большинства». «Нельзя добиться успеха **индустрии, грузо** нарушая интересы **земледѣлія**». Еще раньше, споря **противъ—**плановости» Троцкаго, Сталинъ **высказываетъ** не менее здравыя мысли. «Можно вдвое больше вложить въ развит промышленности, но **темплъ** промышленнаго развитія **станетъ** настолько **быстрымъ**, что мы не сможемъ его **перенести**...онъ насъ **наверное** погубитъ». «Нельзя развивать промышленность въ пустомъ пространствѣ, если **нѣтъ** сырья, **нѣтъ** продовольствія для рабочихъ, **нѣтъ** сколько - нибудь развитаго **земледѣлія**, составляющаго главный рынокъ для промышленности». Сталинъ даже въ **подробностяхъ** предсказываетъ печальныя послѣдствія пятилетки: «подрывъ денежной системы, огромное вздорожаніе **земледѣльческихъ** продуктовъ, пониженіе реальной рабочей платы и **извѣстный** голодъ, искусственно **организованный**»...

Спрашивается: когда же Сталинъ следовалъ собственному убежденію; тогда-ли, когда побивалъ этими благоразумными речами своихъ противниковъ или когда, **грабя население** для успеха **индустриализаціи**, отправляя сотни тысячъ **«кулаковъ»** въ **концентраціонные** лагеря и на **душегубительныя** по-

стройки, послушно пытался осуществить программу этихъ самыхъ противниковъ? Можно ответить: тогда онъ повторялъ Ленина, потомъ повторялъ Троцкаго — и никогда не имель **собственнаго мнѣнія**. Этотъ ответъ кажется мне **неправильнымъ**. Житейскія **настроения** Сталина несомненно совпадали съ тактикой **Ленина**. А **противорѣчащія** этому поступки **свидѣтельствуютъ** лишь — не въ первый разъ — о томъ, что **пребываніе** у власти зачастую приходится покупать **подчиненіемъ** темъ, кто эту власть поддерживаютъ.

Менее **зависимымъ** отъ своихъ **«лѣвыхъ»** Сталинъ оказался только во внешней политике. Уже въ 1935 г. онъ спешитъ признать, пользуясь провалами Коминтерна, что «капиталь успель оправиться отъ послевоенныхъ **потрясеній** и что **«періодъ»** революціоннаго подъема **безспорно** кончился въ средней Европѣ». А **когда Зиновьевъ** пытается поднять престижъ Коминтерна и отыгратъ на **китайской революціи**, Сталинъ, **вразрезъ** съ **оппозиціей**, принимается поддерживать **партію Коминдана** и ея вождя Чанъ-Кай-Шека, несмотря на то, что коммунисты оказываются на крайнемъ **лѣвомъ** крыле этой **партіи**. Онъ не **позволяетъ** вооружать **рабочихъ**, поощряетъ **крестьянскія возстанія**, закрываетъ глаза на **подавленіе** **стачекъ** и на разгромъ **коммунистовъ** темъ же **Чанъ-Кай-Шекомъ**. Накануне **убійствъ** коммунистовъ въ Шанхае онъ ручается передъ **публичнымъ** собраніемъ за верность Чанъ-Кай-Шека **завѣщанію Сунъ-Ятъ-Сена** и советскому союзу — и едва успеваешь задержать **появленіе** этой своей речи въ «Прау-

дѣ», которая уже громить Чань-Кай-Шека, какъ конгръ-революціонера, пзмѣнника и палача. Дѣйствоваль-ли Сталинъ по невѣдѣнію или по сочувствію умереннымъ и пониманію невозможности действовать иначе въ такой странѣ, какъ Китай? Кажется, вѣрнѣе последнее предположеніе. Еще одинъ случай изъ той же области внѣшней политики. Сталинъ, конечно, повторялъ шаблонный тезисъ, усвоенный со времени Ленина, — что советской Россіи грозитъ немедленное нашествіе капиталистическихъ стран*. Какъ все диктаторы, онъ даже пытается (июль 1927) отвлечь вниманіе своей публики отъ внутренней политики, раздувая угрозу внешней опасности, въ которую, конечно, самъ не вѣригъ. Но вот* наступаетъ реальная, не мнимая опасность съ запада и съ востока. Въ то же время начинаются, съ ведома и одобренія Сталина, вразрѣзъ съ прежними заявленіями, пацифистскія выступленія Литвинова за границей, которыя кончаются союзами съ «капиталистами» и участіемъ СССР въ «Лиге Бандитов*», как* принято было до сих* пор* называть въ Москвѣ женевское учрежденіе. Въ то же время делаются несомнѣнныя попытки страниться отъ официальной поддержки Коминтерна и ослабить слишкомъ наглядное участіе СССР въ подготовкѣ мировой революціи. И опять приходится спросить; что же это, сплошная маскировка истинныхъ намѣреній Сталина или ошачь, и въ этомъ случаѣ капитальной важности, новое проявленіе житейскаго практицизма надъ недоступной пониманію Сталина доктриной? Суваринъ повсюду подчеркивает* первое толкова-

ніе. Я склоненъ признать более правильнымъ второе.

X.

Въ своей книгѣ Суваринъ приводит* цитату изъ «Правды» 1929 года, въ которой передаются ходячіе эпитеты Сталина: «тайный гость Кремля», «непроницаемая личность», «молчальник*», «загадка», «коммунистическій сфинксъ». Какъ известно, молчаніе Сталина было его обычнымъ приемом*, чтобы скрывать въ дни серьезныхъ рѣшеній отсутствие личнаго мненія или мнѣніе несогласное. Кругомъ него на этихъ рѣшеніяхъ создавались и падали репутации; Сталинъ всегда оставался «въ резервѣ». Это было однимъ из* способовъ выждать свое время и подняться вверх*. О другомъ способѣ — удалить сильныхъ соперниковъ и собрать около себя послушныя безличности — я уже говорилъ.

Собрав* все нужныя матеріалы для разгадки «сфинкса», Суваринъ разрешает* въ концѣ книги свою задачу афоризмомъ Троцкаго. «Сталинъ — самая выдающаяся посредственность нашей партіи». Рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, неполное. Между «гением*» Троцкаго и «посредственностью» Сталина партія выбрала последнюю. Сам* Троцкий даетъ очень меткое объясненіе этому выбору, но я не заметил*, чтобы оно было утилизировано Суваринымъ. Къ сожаленію, я не могу выписать цѣликомъ эти замѣчательныя страницы автобіографіи Троцкаго и ограничусь несколькими отрывочными фразами.

«Меня не разъ спрашивали: какъ вы могли потерять власть», начинает* Троцкий свое объясненіе —

и отвечает: «когда революционеры, руководившие завоеванием власти, начинают терять ее на известном этапе, то это само по себе означает упадок влияния определенных* идей и настроений в правящем слое революции или упадок революционных настроений в самих массах или то и другое вместе» «Революционеры сделаны из того-же общественного материала, как и другие люди». «Идеи первого периода революции теряли незаметно власть над сознанием того партийного слоя, который непосредственно имел власть над страной. В самой стране происходили процессы, которые можно охватить общим именем реакции У того слоя, который составлял аппарат власти, появились свои самодовольствующие цели. Личные авторитеты вождей первого периода были высоки. Но под покровом традиционных форм уже складывалась другая психология. Международные перспективы тускнели. Повседневная работа поглощала людей целиком. Временная остановка стала превращаться для многих и многих в конечную станцию. Создавался новый тип*. Когда напряжение прошло и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни, в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников... Не все-же и не всегда для революции, надо и для себя - это настроение переводилось так: долой перманентную революцию.. Под этим флагом шло освобождение мещанина в большевике... Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни... Вот в

чем состояла потеря мною власти».

Объяснение — социологически и психологически правильное а очень удачно выраженное. Правильно и указание на то, что именно Сталин явился подходящим выразителем «новой типа», — с той только разницей, что он был таким всегда, с самого начала, «Сталинизм» — это прежде всего работа безличного аппарата на спуске революции: такая окончательная формула Троцкого. Он назвал этот «спуск» и этот перерыв в «перманентности» первоначального революционного энтузиазма «Термидором». Название, конечно, неточное в русских условиях. С другой политической фланга называли тот-же процесс «эволюцией». Такое понимание также оспаривалось. Эволюция была-бы налицо, если бы процесс был «безличным», а руководился сознательной волей и твердо поставленной целью. В действительности, процесс «спуска» — стихийный, потому что, на несчастье России, героем спуска оказался Сталин. Его историческая роль, если не «заслуга», сводится к тому, что и сам он «сползает» вместе с «безличным аппаратом». Идеологи «первого периода» революция старались этому спуску помешать, но, как мы только что видели, в лице Троцкого она признали собственное бессилие перед законом истории. Выбор партии совпал с* ходом исторической процесса.

Изучение самого процесса спуска, однако же, составляет особую задачу, и нельзя упрекать Сталина, что в настоящей своей работе он этим задаться бы

могъ. Какъ-бы то ни было, разоблаченіе героя революціонныхъ сумерекъ составляетъ необходимое введеніе къ пониманію текущаго момента и остается несомненной заслугой автора. «Мирно или ката-

строфически», выражаясь словами Троцкаго, трагическая **безличность** мнимаго сфинкса прямо отъ «сумерекъ» ведетъ къ **неизбѣжной «гибели боговъ»**.

П. Миллюковъ.

„Горящіе глаза“

По случайнымъ условіямъ работы, мнѣ пришлось въ послѣднее время прочесть или перечитать много печатныхъ матеріаловъ, относящихся къ событіямъ 1917 года. Это большей частью матеріалы «сырые», — среди нихъ первое место занимаютъ газеты того времени. Читать ихъ безъ волненія невозможно. Невольно — въ который разъ? — встаетъ все тотъ же вопросъ: какъ могла случиться катастрофа, вследствие которой погибли миллионы людей, Россія потеряла цѣлыя области (и, быть можетъ, потеряетъ еще другія), а мы семнадцатый годъ влачимъ безрадостное существованіе на чужбинѣ?

Думаю, что, независимо отъ безчисленныхъ ошибокъ, катастрофа была почти непредотвратима: спасти свободный, или хотя бы просто-человѣчскій, строй въ Россіи могъ въ 1917 году только миръ, миръ тогда могъ быть только сепаратный, а сепаратный миръ могли заключить только большевики. Если-бы власть въ 1917 году захватили люди совершенно иного, прямо противоположнаго образа мыслей, но столь же твердые, какъ они, и заключили миръ столь же постыдный, какъ тотъ, что былъ заключенъ въ Брестъ - Литовскѣ, то и эти люди теперь, вероятно, оставались бы у власти, и за ними ухажива-

ли бы въ Лиге Нацш и во всехъ европейскихъ столицахъ точно такъ же, какъ ухаживаютъ за большевиками, и писали бы о нихъ льстивыя восторженныя статьи те самыя газеты, которыя семнадцать летъ тому назадъ осыпали грубой бранью «брестскихъ предателей». Все это въ порядкѣ вещей, — въ скверномъ порядкѣ скверныхъ вещей. Оставимъ же въ стороне вопросъ о мирѣ. Тутъ насъ занимаетъ иное: была ли сама по себе «народнымъ деломъ» октябрьская революція 1917 года?

Вся большевистская литература предмета строится на отвѣтъ въ утвердительнобъ: народъ **принять** переворотъ съ восторгомъ. Голосованіе въ Учредительное Собраніе? Оно решительно ничего не **доказываетъ**: выборы производились после октября, но въ обстановкѣ до-октябрьской. Борьба? Да ведь боролись съ большевиками только белогвардейцы. Точно такъ же **увѣренъ** теперь Гитлеръ, что за нимъ слепо последовалъ весь немецкій народъ. Долженъ однако сказать, что формальныхъ оснований для такой уверенности у него гораздо больше: **его** ни одно голосованіе немецкаго народа *ни* сихъ поръ въ меньшинствѣ не оставляло, — а борьба... Лучше не вспоминать о томъ, какъ защищали немцы «Веймаръ, нашу дорогую, нежно любимую мечту,